

Жанна КОРМИНА

**ПОГРУЖЕННОСТЬ.
ПАМЯТИ СОНИ ЛЮРМАН**

Нельзя сказать, что горькая необходимость писать такой текст стала для меня полной неожиданностью. Соня, близкая коллега, соавтор и друг, была тяжело больна последние два с половиной года, и медицински обоснованных надежд на ее выздоровление не было. Однако то, как она прожила этот отрезок своего времени, категорически отказываясь сдаваться жестокому недугу, создавало у многих вокруг иллюзию того, что это вектор, а не отрезок, что ее дух и ее воля больше, чем материальная оболочка, в которую они заключены. Она продолжала много ездить и писать – жить той полной академической жизнью, которую она так любила и которая так прекрасно ей удавалась – и растить, вместе с мужем, своих троих горячо любимых детей, продолжая путешествовать с ними, устраивая им праздники, бесконечно заботясь об их благополучии. Она встречалась с друзьями и коллегами, редактировала канадский антропологический журнал *Anthropologica*, писала реплики в академических форумах и рецензии на книги. Только контрапунктом в этом по-прежнему мощном ритме ее жизни стали сеансы химиотерапии.

Соня рано поняла свое предназначение – быть исследователем. Еще будучи ученицей гимназии в Марбурге, она дважды становилась лауреатом немецкого национального конкурса исторических работ среди школьников; в одной из них она писала о побеге родителей

своей мамы из Восточной в Западную Германию. Тогда же, в гимназии, она начала учить русский язык. После окончания магистратуры во Франкфурте, где Соня занималась историей эскимосов Аляски и, что бывает нечасто, опубликовала книгу на основании выполненной там магистерской работы,¹ она поехала на год преподавать немецкий язык в университет Йошкар-Олы. При поступлении на докторантскую программу по истории и антропологии в Мичиганском университете Соня выбрала республику Марий Эл в качестве места своего полевого исследования. Ее привлекало религиозное разнообразие этого региона и волновали процессы мощных социальных трансформаций, которые ей пришлось там наблюдать.

Вклад Сони в область знаний, которая ее интересовала – постсоветские исследования – был значительным и очень самостоятельным. Она придумала замечательную объяснительную метафору *cultural recycling*, позволяющую анализировать механику и повседневные эффекты кардинальных социальных трансформаций. В сфере религиозной жизни, которая интересовала Соню как исследователя более всего, эти изменения были особенно очевидны и особенно непонятны. Кто новые верующие в бывшем Советском Союзе – лжецы и лицемеры? Или слабые люди, в условиях социальной аномии лихорадочно ищущие замену обветшавшей идеологической и этической системе, новые формы подчинения и порядка? Соня показала, что типичными религиозными активистами девяностых годов были бывшие советские культурные работники (а чаще работницы) нижнего звена, вкладывавшие в свой церковный активизм идеи привычной им просветительской деятельности и рассматривавшие свое участие в церковном возрождении как работу по возвращению культурного наследия.

Мы познакомились в сентябре 2005 года на конференции в институте антропологии Макса Планка в Халле. Конференция, куда съехались в основном молодые антропологи-аспиранты или те, кто недавно защитил свои диссертации, была посвящена изучению религии, главным образом православия, на постсоветском пространстве. Соня, тогда аспирантка Мичиганского университета, рассказывала о результатах своей работы в Поволжье, о практике иконопочитания среди православных и ее критике со стороны других религиозных групп. Позже этот доклад вошел в ее книгу.² Мы стали обмениваться письмами, и

ее письма были прекрасны, как будто посылались не по бестелесной электронной почте, а были написаны твердым ровным почерком на хорошей, радующей глаз и обоняние бумаге. Они были красиво выстроенными и написанными, умными, профессиональными и вместе с тем очень теплыми. В отличие от многих других писем, которые удаляешь с легкостью, расчищая место для новых, удалять Сонины не поднималась рука, их ценность как-то всегда была очевидна.

Соня была невероятно щедрым человеком. У нее непременно находилось время на то, чтобы написать реплику в форум, даже если он организуется российским журналом (то есть, как бы мы к этому ни относились, все-таки находится на периферии магистральных путей академической моды),³ или прочитать и прокомментировать черновой вариант статьи по просьбе коллеги, прислать отклик на доклад, написать рекомендацию и совершить иные действия, требующие больших временных затрат и вроде бы необязательные. Все это она делала всерьез, не отмахиваясь и не вполсилы. Она была готова поддержать и поощрить – и совершенно не склонна обидеть или задеть. Злословие, пустословие, иная человеческая суета и мелкий эмоциональный сор, которым наполняется жизнь, и академическая в том числе, совершенно были ей несвойственны; она делала только осмысленные, существенные вещи.

Соня являла собой ярчайший пример женщины-интеллектуала, для которой вопрос о том, что важнее – семья или работа – никогда не вставал, а если бы вдруг встал, ответ был бы: семья и работа. Когда в 2010 году Соня с семьей приехала в Петербург, чтобы исследовать православное пролайф-движение, на интервью к своим информантам она приходила с новорожденной дочкой, спавшей в своем чепчике с оборочками в оранжевом слинге у нее на груди. По Сониным словам, это особенно располагало к ней собеседниц – активисток движения, выступающего в защиту семейных ценностей. Наличие младенца во время разговоров со строгими, порой крайне консервативными российскими пролайфершами, встречавшими в Соне, вместо ожидаемой западной ученой-феминистки с либеральными (читай – антисемейными) ценностями, очевидно семейного человека и заботливую мать, действительно помогало снискать симпатию и установить доверительные отношения с этими людьми. Тем не менее, именно этот проект продвигался у Сони,

¹ Sonja Luehrmann. *Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule*. Fairbanks, 2008.

² Sonja Luehrmann. *Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic*. Bloomington, 2011.

³ Соня Люрман. Дилеммы признания // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 25-32.

умеющей легко писать и стремительно, мощно думать, как-то особенно трудно: он оказался слишком политизированным, заставлял вставать на чью-то точку зрения, то есть обвинять одних и раскрывать глаза другим, слабым, на правду о ситуации неравенства и эксплуатации, в которой они существуют. Чтобы писать легко и свободно, как Соня прекрасно умела, нужно было бы либо не говорить всей правды, как она, со свойственной ей пронизательностью и твердыми собственными убеждениями, ее понимала, либо видеть всего лишь жертв системы в тех, чьи жизни она хотела понять и описать.⁴ Обе эти крайности делали бы картину слишком плоской, скучной интеллектуально и не вполне правдивой экзистенциально. Когда мы виделись в последний раз, за две недели до ее кончины, мы заговорили об этой, незаконченной, книге и Соня призналась, что в оставшееся у нее время она точно не хотела бы заниматься пролайферами – слишком уж много в этой кампании за семейные ценности манипулирования, лицемерия и жестокости, в которых так мало христианского.

Прекрасно владея русским языком, который был одним из трех языков общения внутри ее семьи, Соня после своего длительного поля в Поволжье вполне могла бы более не утруждать себя тяжелой этнографической работой – такой трудоемкой, сопряженной с массой бытовых неудобств и эмоциональных издержек. Можно было бы получать свои материалы из социальных медиа и прессы, не выходя из дома, но Соня продолжала делать настоящую полевую работу в России, приезжая сюда из Канады, места их с мужем жительства и работы, а в 2015–16 гг. из Финляндии, где в Helsinki Collegium for Advanced Studies она провела очень счастливый год жизни. В 2013 г. для своего проекта по православному пролайф-активизму Соня прошла стокилометровый путь с крестным ходом к “Пламенным младенцам” – почитаемому месту в Кировской области, куда некоторые инициативные священники ведут верующих молиться о прощении греха совершения аборт. Как вспоминает наш с Соней общий православный друг, проделавший за компанию с нею весь этот путь, дававший ему очень тяжело, она постоянно его подбадривала и всегда готова была прийти на помощь, хотя самой ей было ничуть не легче.

⁴ Sonja Luehrmann. “God Values Intentions”: Abortion, Expiation, and Moments of Sincerity in Russian Orthodox Pilgrimage // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2017. Vol. 7. No. 1. Pp. 163-184; Eadem. “Everything New that Life Gives Birth To”: Family Values and Kinship Practices Among Russian Orthodox Anti-Abortion Activists // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2019. Vol. 44. No. 3. Pp. 771-795.

Мне жаль, что нам не довелось делать полевую работу совместно, хотя мы много обсуждали проекты друг друга, делились материалами и впечатлениями, а также пытались вместе писать.⁵ Писать вместе не просто даже с тем, кого видишь регулярно и с кем думаешь в прямом смысле на одном языке; мы жили на разных континентах, были включены в разные, хотя и пересекающиеся, научные контексты и академические сети, пользовались разными языками в своей повседневной университетской жизни. Поэтому наша единственная общая статья продвигалась медленно, очень медленно. Когда мы ее начали, Соня была здорова; когда же статья, совсем не похожая на свою первоначальную версию, наконец увидела свет, медицинский приговор уже был известен. Но и заболев, Соня хотела работать и стала думать о более простых с точки зрения преодоления дистанций и пересечения границ местах, чем Россия. Мы запланировали совместный проект по изучению паломничества русских в западную Европу. Идея была в том, что я поеду из России в Европу – Германию – вместе с группой паломников, а Соня будет смотреть, как происходит работа паломнической индустрии на месте. К сожалению, эти планы так и остались неосуществленными.

В своей исследовательской работе Соня была очень смелой, не ходила проторенными тропами, а всегда искала свой путь, свои аргументы, предлагала неожиданную и оригинальную постановку вопросов и пути их решения (примером может служить ее книга о религии в секулярных архивах).⁶ Она обладала огромной эрудицией и невероятной работоспособностью. При этом проблемы, которые ее волновали, всегда были связаны с личным опытом и поиском ответов на какие-то свои внутренние вопросы – о том, что происходит с людьми, когда меняется идеологическая система (недаром ее книга о советском атеизме посвящена памяти ее бабушки и дедушки, которые были учителями в Германии и пережили смену такой системы на протяжении своей жизни несколько раз), о сложных конфигурациях материнства и о природе религиозного опыта.

Сонина профессия – антрополог – требует высокой степени эмпатии к тем людям, с которыми исследователь имеет дело. Антропологи из-

⁵ Jeanne Kormina and Sonja Luehrmann. The Social Nature of Prayer in a Church of the Unchurched: Russian Orthodox Christianity from Its Edges // *Journal of the American Academy of Religion*. 2018. Vol. 86. No. 2. Pp. 394-424.

⁶ Sonja Luehrmann. *Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge*. Oxford; New York, 2015.

учают других через сравнение с собой, и основная интеллектуальная работа происходит при обнаружении сходств и различий между “мною” и “ими”. Эмпатия становится темой для бесконечных академических дискуссий и внутренних диалогов с самим собой, поскольку нарушение ее меры в любую сторону делает процесс понимания невозможным. Чтобы понять, какие “они” и почему они именно так поступают и думают, антрополог вынужден думать о том, кто такой я и почему я как продукт своей культуры получился именно таким. В школьные годы Сонин подростковый протест состоял в том, что она отказывалась изучать древние языки и античную мифологию, поскольку европейская цивилизация обосновывает свое превосходство через выстраивание генеалогии от античности. Зато, кроме русского, она учила еще и японский язык.

Изучая религиозные практики и верующих людей, антрополог не может избежать вопроса о своей собственной вере. Соню это никогда не смущало: она понимала верующих, поскольку сама имела схожий опыт и никогда этого не скрывала. В своей реплике в дискуссии в “Антропологическом форуме” о методах изучения религии Соня писала о понятии поглощенности как способе изучения этнографической реальности и о том, что собственная способность к такой поглощенности осознавалась ею как проблема:

Я прекрасно осознаю, что, когда люди вокруг меня молятся, я тоже склонна переключаться в режим молитвы, независимо от своего согласия с их теологическими убеждениями. ... Когда я прихожу на богослужение, я знаю, что мне будет нелегко вырывать себя из поглощенности молитвой и, пользуясь привилегией чужака, надоедать людям вопросами.⁷

Дочь лютеранского теолога, Соня была настоящей, последовательной христианкой, но в том именно смысле, в каком это возможно для истинного интеллектуала – без интереса к обрядовым виньеткам и религиозной мифологии. Не вера в Страшный суд и жизнь вечную образует центральные смыслы такой системы, а нравственный императив. Как в одном из героев Томаса Манна, в Соне жило “серьезное, глубокое, суровое до самоистязания, неумолимое чувство долга”, которое не предполагает “никакой помощи извне, никакого посредничества, отпущения грехов и утешительного забвения”.⁸

⁷ Люрман. Дилеммы признания. С. 28-29.

⁸ Томас Манн. Будденброки // Томас Манн. Собрание сочинений. Т. 1. Москва, 1959. С. 690-691.

Одним из самых приятных академических приключений, связанных с Соней, было участие в ее проекте по исследованию молитвенных практик в разных православных традициях, получившем поддержку от очень уважаемого научного фонда. Нам, участникам исследовательской группы, нужно было придумать, как, собственно, можно изучать молитвенные практики, не впадая ни в социологический редукционизм, ни в теологические рассуждения. У нас были замечательные проектные семинары в Салониках и Клузе, мы встречались в Нью-Йорке и Ванкувере и сделали, благодаря Сониной энергии, уму и организаторским талантам, неплохую, как кажется, книгу.⁹ Участники проекта шутили между собой, что Соня может возглавить не только исследовательскую группу, но и какой-нибудь институт, департамент или, например, фонд, и, в общем-то, ожидали, что так оно все и случится в обозримом будущем.

“Благодаря своей внутренней силе, она преображала окружающий мир одним своим примером. Она приумножала доверенные ей таланты и, надеюсь, услышит обещанные слова: ‘войди в радость Господа твоего!’” – написал Сонин спутник по паломничеству к Пламенным младенцам, когда получил печальную новость о ее уходе. Не знаю, что сказала бы о таком пожелании Соня. Улыбнулась бы и произнесла что-то отрезвляющее? Подбодрила бы и сказала, что жизнь продолжается и нужно просто работать, чтобы делать ее лучше? Наверное, так. Кто знает.

SUMMARY

Zhanna Kormina pays tribute to her colleague and friend, Sonja Luehrmann, student of Soviet and post-Soviet religiosity and atheism.

BIBLIOGRAPHY

Kormina, Jeanne and Sonja Luehrmann. The Social Nature of Prayer in a Church of the Unchurched: Russian Orthodox Christianity from Its Edges // *Journal of the American Academy of Religion*. 2018. Vol. 86. No. 2. Pp. 394-424.

⁹ Sonja Luehrmann (Ed.). *Praying with the Senses: Contemporary Orthodox Spirituality in Practice*. Bloomington, 2018.

- Luehrmann, Sonja (Ed.). *Praying with the Senses: Contemporary Orthodox Spirituality in Practice*. Bloomington, 2018.
- “Everything New that Life Gives Birth To”: Family Values and Kinship Practices Among Russian Orthodox Anti-Abortion Activists // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2019. Vol. 44. No. 3. Pp. 771-795.
 - “God Values Intentions”: Abortion, Expiation, and Moments of Sincerity in Russian Orthodox Pilgrimage // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2017. Vol. 7. No. 1. Pp. 163-184.
 - *Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule*. Fairbanks, 2008.
 - *Dilemmy priznaniia* // *Antropologicheskii forum*. 2017. No. 35. Pp. 25-32.
 - *Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge*. Oxford; New York, 2015.
 - *Secularism Soviet Style: Teaching Atheism and Religion in a Volga Republic*. Bloomington, 2011.
- Mann, Thomas. *Buddenbrooks* // *Thomas Mann. Sobranie sochinenii*. Vol. 1. Moscow, 1959.